

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ГАРРИ ГАРРИСОН

Гаррисон! Гаррисон!

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г 21

Harry Harrison
HARRY HARRISON! HARRY HARRISON!
Copyright © 2014 by The Estate of Harry Harrison
MERLO THE MAGICIAN
Copyright © 2008 by Harry Harrison
WEB OF THE WORLDS
Copyright © 1953 by Harry Harrison with Katherine MacLean
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Геннадия Корчагина, Дмитрия Могилевцева, Нияза Абдуллина

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Гаррисон Г.

Г 21 Гаррисон! Гаррисон! : роман, повести / Гарри Гаррисон ;
пер. с англ. Г. Корчагина, Д. Могилевцева, Н. Абдуллина. —
СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с. + вкл. (16 с.). —
(Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-10644-4

Семилетним мальчишкой Гарри Гаррисон влюбился в фантастику, посвятил ей себя без остатка и прошел все ступени к немеркнущей мировой славе. За четыре дня до ухода из жизни Мастер завершил книгу, в которой описал свое невероятное восхождение. Он обладал редчайшим литературным талантом, маниакальной любознательностью, бешеной энергией и неисчерпаемым трудолюбием. Он объездил всю планету, выучил несколько языков, обзавелся сотнями друзей и миллионами поклонников своего творчества. Итог — около пятидесяти романов и множество рассказов, коллекция престижных литературных премий и место в Зале славы научной фантастики и фэнтези.

Кроме автобиографического романа, ничуть не менее увлекательно, чем лучшие приключенческие книги Гаррисона, и раскрывающего многие секреты всемирной фантастической «кухни», в этот том вошла повесть «Фокусник Мерло», а также повесть «Сеть миров», которая ранее издавалась в России в сильно сокращенном виде под названием «Паутина норн». Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

- © Н. Абдуллин, перевод, 2016
- © Г. Корчагин, перевод, 2016
- © Д. Могилевцев, перевод, 2016
- © В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2016
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Груша
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10644-4

Гаррисон! Гаррисон!

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Я принадлежу к числу американцев в первом поколении, к детям тех европейцев, что переселились в Новый Свет; очень немногие из родителей сами были детьми сошедших с кораблей иммигрантов. Отличный пример тому — моя генеалогия.

Мать родилась в 1882 году в Риге, столице Латвии, которая тогда была частью Российской империи. Семья переехала в Санкт-Петербург, там мой дед работал часовым мастером. Это не было бегством от еврейских погромов, но обостренное чутье требовало перебраться в безопасное место, пока не поздно. Помню, когда я был маленьким, мама часто употребляла слово «казак», причем в негативном значении.

Дед эмигрировал первым, добрался до города Уотербери в штате Коннектикут и нанялся там на фабрику по производству часов. Обустроившись, он занялся переселением семейства, по мере зарабатывания денег выписывая родственников одного за другим.

А вот мой отец был американцем во втором поколении, сыном уроженца города Корка. Папа появился на свет в штате Нью-Йорк, в общине Онайда, которая состояла сплошь из ирландцев; даже район, где жила семья, называется Айриш-Ридж. Там селились иммигранты, прибывшие рыть канал Эри. Бабушка по отцовской линии родилась в ирландском графстве Типперэри, в городе Кашеле.

В 1970-х я решил получить ирландское гражданство; понадобилось разобраться с генеалогией и доказать мое ирландское происхождение, то есть найти бабушкину метрику или иной документ, подтверждающий ее рождение в этой

стране. Я знал, что она родилась в Дуалле, пригороде Кашелла. Прожив в Ирландии долгое время, я знал, куда надо обращаться за подобными справками.

Все медицинские архивы были сожжены англичанами, во всяком случае, так уверяли местные жители. Поэтому я отправился в старейший паб и там выставил по кружке старейшим выпивохам. Смазал шестеренки их памяти.

— Мойлес? Да, помню этого парня. Он был печатником, переехал в Дублин.

Уже тепло. Все мои родственники с отцовской стороны были печатниками.

— Тебе стоит поговорить с отцом Кинселлой, он тут бывает раз месяц, в третье воскресенье.

Когда в Ирландии начался демографический спад, каждому священнику пришлось окормлять не один приход, а два и более. Еще по кружечке за мой счет — и я получил дополнительную информацию. А в надлежащее воскресенье нанес визит святому отцу, коротышке с бледной тонзурой. Сердито сверкнув глазами, он указал на грудку писем со штампом авиапочты:

— Американцы! Похоже, у всех до одного в Ирландии бабушка, и всем до одного приспичило ее срочно разыскать...

Я понял намек и вскочил со стула.

— Ваше преподобие, вижу, вы занятой человек. Не хочу отнимать у вас время. Двадцать квидов в ящик для пожертвований, и вы решаете мой вопрос.

Прошелестели зеленые ирландские фунты, маленько поправились дела у бедняков Дуаллы.

— Какая, говорите, у нее была фамилия? — спросил пастор.

Понадобилось пять минут, чтобы найти Маргарет Мойлес в церковной метрической книге, и еще меньше, чтобы сделать выписку. Я не лицемерил, когда пылко благодарил священника.

Драгоценный документ был сложен и упрятан в бумажник. Вот он, перед моими глазами: выцветшие чернила, аккуратный спенсерианский почерк. «Маргарет Мойлес, 12 августа 1832». А цена вопроса — несколько пинтовых кружек пива.

С этой выпиской я отправился в паспортный стол, в отдел гражданства. И получил наконец вожделенный ирландский паспорт — еще не европейский в то время, но красивый, зеленый, с золотым трилистником. Совсем как настоящий!

Для протокола: я родился в Стэмфорде, штат Коннектикут, но вырос в Куинсе, одном из пяти боро Нью-Йорк-Сити. Ребята, что меня окружали, тоже были детьми вчерашних жителей Старого Света. Нас приучили не гордиться европейскими корнями. Прошное лучше забыть, в нем нет ничего хорошего. Мы все теперь американцы.

Только в годы Второй мировой войны мы по достоинству оценили котел народов, в котором нам довелось повариться. Армия не испытывала недостатка в переводчиках, в ней с легкостью находился знаток любого языка.

Мой отец Генри Демпси свой трудовой стаж начал в пятилетнем возрасте, с должности типографского чертенка, то есть мальчика, который утром открывал цех и разогревал дизельный привод печатного станка. Потом он стал кочующим печатником, объездил вдоль и поперек США и Канаду, даже заглянул в Мексику. За многие годы мне удалось восстановить по мелким фрагментам историю его жизни.

Факт изменения моей фамилии всплыл довольно скоро, когда мне, сержанту Гарри Гаррисону, ветерану ВВС США, понадобился паспорт. Мое свидетельство о рождении мать отдавала с неохотой, причем вполне объяснимой. Это был документ на имя Генри Максвелла Демпси. Как вы догадываетесь, меня изрядно заинтересовало, откуда взялся «Гарри Гаррисон». В процессе выяснения истории происхождения моей фамилии я узнал немало новых подробностей жизни бродячего печатника. Отец сам рассказал. Действительно, он носил фамилию Демпси, но с некоторых пор это стало проблематично. И проблемы, похоже, возникли в штате Миссисипи. В ту пору он перебирался из города в город и везде без труда устраивался в газету или типографию. Заработать на хлеб ему удавалось всегда. Вот только кочевать приходилось в товарных вагонах, в компании таких же «котомочников» — квалифицированных работников-мигрантов, которых не следует путать с обычными босяками-шату-

нами-зимогорами. Было это в самом начале двадцатого века; в стране царил безработица, и труженики в поисках найма активно пользовались железнодорожным транспортом.

История отцовской молодости мне в основном известна. Те же эпизоды сей небезынттересной биографии, что остались для меня белыми пятнами, отец наверняка скрывал по серьезной причине.

Похоже, полиция в сельской глуши обыскала однажды вагоны и задержала всех «котомочников», включая Генри Демпси. Тот, кто имел при себе хотя бы пару долларов, подлежал освобождению, поскольку считался не тунеядцем, а всего лишь временно безработным. У отца двух баксов не нашлось, и он был осужден на год за бродяжничество. Вам это кажется экзотикой? А представьте, что подумал сержант Гаррисон, увидев наконец загадочное свидетельство о своем рождении. Разумеется, облава была самым настоящим жульничеством — штату Миссисипи требовались рабы на хлопковых полях.

По словам отца, та история имела совершенно неожиданную концовку. Однажды налетел ураган и сорвал с барака гнилую жестяную крышу. Заключенные дали деру, и отец поклялся, что ноги его больше не будет в штате хлопкоробов. И у кого повернется язык его упрекнуть за такое решение?

Позже, когда женился Генри Демпси и родился я, он взял себе новое среднее имя и фамилию: Лео Гаррисон. Компьютеров в моем раннем детстве не существовало, и вопросов отцу никто не задавал.

Уже в военное время его беспокоили мысли насчет незаконности этого поступка, да и насчет побега из тюрьмы, — может, он все еще в розыске? Будучи лояльным гражданином, отец побывал в ФБР и честно рассказал о своем прошлом. О заключении, бегстве, смене имени и дальнейшей деятельности.

Его выслушали, с улыбкой похлопали по плечу и поблагодарили за визит. И посоветовали не волноваться из-за случившегося в Миссисипи — много лет назад в федеральном суде были разбиты в пух и прах тамошние плутовские законы о бродяжничестве.

Я попросил своего друга Хьюберта Притчарда сходить в паспортный стол, и он поклялся, что знал меня еще до то-

го, как мой отец сменил имя-фамилию, — мы с Хью познакомились, когда нам было по три года. Я без проблем обрел новый паспорт, а история — счастливый конец.

Итак, мой отец, свежее испеченный Генри Лео Гаррисон, вернулся к профессиональной деятельности. Но задолго до того, вдоволь намотавшись по стране, он решил осесть. Работа высококвалифицированного наборщика и корректора приносила неплохой доход, и вдали от Юга хватало приличных газет. В начале 1920-х отец преподавал печатное дело в издательстве «Конде Наст» (Стэмфорд, штат Коннектикут).

Одного из печатников, с которыми он работал, звали Маркус Нахан. Должно быть, они сразу сдружились, поскольку вскоре отец познакомился с женой Маркуса Анной. У нее было восемь братьев и сестер, и она носила фамилию Кирьясофф; это англоязычный вариант фамилии Кирьяшафер, которая раньше произносилась как Кирьят-Сапир; в Израиле есть такой город. Все трое ее братьев поступили в Йельский университет, и все трое прославились в качестве спортсменов-бегунов. Льюис и Мейер стали инженерами, а Макс, попавший в Государственный департамент, служил консулом США в японском городе Иокогама, где и погиб при землетрясении; и это был первый еврейский консул из «страны ос»¹. Большинство сестер отучились в обычной школе и затем получили педагогическое образование, только Роза тоже поступила в правительственные структуры и в отставку уходила из военного департамента, дослужившись до чина, эквивалентного полковничьему.

Рия была учительницей. Однажды ее пригласила на ужин сестра Анна. Там и познакомились мои будущие родители и впоследствии поженились, что подтверждается соответствующим документом.

Что у них было общего? Этот вопрос всегда ставил меня в тупик. Мама принадлежала к семье еврейских интеллектуалов, пять из шести ее двоюродных дедов были раввинами. Родственники же отца были ирландцами, иммигрантами и относились к среднему классу. Любопытно, что почти

---

¹ В оригинале «waspland» — синтаксический компрессив словосочетания «WASP land», т. е. страна белых англосаксонских протестантов.

все они работали в типографиях или издательствах — и в Ирландии, и в Штатах.

Итак, ирландский рабочий класс плюс еврейская интеллигенция — и все это в Америке. Генри и Рия познакомились, поженились и родили единственного ребенка. Через несколько лет отец, как вы уже знаете, сменил фамилию. Откуда взялась новая? Билли Гаррисоном звали его отчима. Я не был знаком с этим человеком, поскольку он ушел из жизни до моего рождения. Волею судьбы-насмешницы Билли умер от силикоза — сказалась многолетняя шлифовка дерева на фабрике гробов.

Зато я познакомился со своей бабушкой, когда она гостила у нас в Куинсе. Помню аккуратную, плотного сложения ирландку с густой сединой и милым типперэрийским говорком. Две ее фразы накрепко засели в памяти: «Виски — проклятие Ирландии» и «Ирландия — страна под властью попов». У нее было четверо сыновей, трое из них умерли от пьянства. Перебравшись же в Ирландию, я узнал кое-что насчет тамошних священников. А когда разразились скандалы, связанные с развращением малолетних, это узнал и весь мир.

Но вернемся к автобиографии. В возрасте двух лет меня перевезли из Коннектикута в Нью-Йорк. Аккурат к началу Великой депрессии, которая вскоре дотянется до каждого американца. Трудно обсуждать эту напасть с людьми, не побывавшими в ее свирепых клыках. Чтобы по-настоящему понять те мрачные годы, надо было через них пройти. Холодная, неумолимая депрессия отражалась в каждой грани нашего существования. Казалось, не будет конца этой пытке, и лишь с приходом войны рассеялась серая мгла бытия, в которой нас топили политика и бизнес.

Эти тяжелые времена я пережил в Куинсе. Пока я подрастал, отец работал в «Нью-Йорк дейли ньюз». Хотя «работал» — слово не совсем точное; он, что называется, сидел на скамейке запасных. Исправно заступал каждый день в ночную смену и ждал, не заболит ли кто-нибудь, чтобы его подменить. А подменять удавалось нечасто. Обычно он не солоно хлебавши возвращался домой и, как правило, чтобы сбересть пятицентовик, проходил семнадцать миль, от Манхэттена до Куинса.

Бывало, за неделю ему не случалось проработать ни одной ночи. Это значит, что с деньгами у семьи было крайне туго, и как мать исхитрялась сводить концы с концами — для меня сущая головоломка. Но маленького Гарри родители всячески ограждали от суровой действительности, голодать ему не приходилось. И пусть я носил штопаные носки и крайне редко получал обновки, никто не обращал на это внимания, поскольку все кругом точно так же бедствовали.

Несомненно, трудная эта пора закалила мой характер и повлияла на дальнейшую судьбу. И не следует забывать, что все остальные писатели моего поколения прошли через жернова депрессии и сумели выжить. Просто это было унылое, тягостное существование; ничего веселого.

Мы были вынуждены часто менять жилье, в иной год не единожды, ведь даже домовладельцы страдали от депрессии. На новом месте сразу надо было заплатить за месяц, а потом квартиросъемщики получали трехмесячную отсрочку. То есть три месяца можно жить бесплатно — разве плохо? Особенно если в конце последнего дня развозчик льда подгонит лошадку с тележкой, чтобы переправить семейство к новому жилью и новой отсрочке. За участие в таком полуночном бегстве развозчику полагалось пятнадцать долларов.

Эти регулярные кочевки спасали семейный бюджет, зато не способствовали моей успеваемости в школе. Уже не говоря об отношениях со сверстниками — друзей у меня попросту не бывало. А может, я по натуре был одиночка — как тут разберешь, когда даже нет шанса обзавестись компанией? Я был тощеньким и низкорослым, а потому на фотографии класса, где нас выстроили по росту, стою первым в шеренге. Но вес и рост не влияют на детскую враждебность по отношению к новичку. Ни в одной школе я не задержался достаточно, чтобы обзавестись приятелями.

Дети бывают очень жестокими. Помню, как мы в очередной раз покидали съемное жилье и ребяташки на улице пели:

Очень жалко, что ты уезжаешь.
Очень жалко, что ты уезжаешь.
Так скорей же проваливай к черту!
Очень жалко, что ты уезжаешь.

Тот факт, что я эти проводы помню спустя семьдесят лет, красноречиво говорит о тогдашних моих ощущениях.

Делать нечего, пришлось притерпеться к навязанному обстоятельствами одиночеству. Лишь когда мне исполнилось десять лет, семья наконец осела и я смог проучиться в школе продолжительный срок. Это была бесплатная средняя школа № 117 в Куинсе. И там у меня появились первые друзья.

Нас было трое, все одиночки. Интеллектуалы, насколько это слово применимо к детскому возрасту. У Хьюберта Притчарда умер отец, а мать, чтобы кормить маленькую семью, работала бухгалтером в «Джамейкской компании по чистке ковров». От Генри Мэнна вообще отказались родители, и он рос, кочуя из одной приемной семьи в другую.

Генри читал в переводах книги греческих и римских писателей. Хьюберт страстно увлекался астрономией. Я был предан научной фантастике. Так что мы, три белые вороны, отлично ладили между собой.

Повлияли ли на мое будущее какие-либо события из детства? Например, одноактная пьеса, которую я написал в двенадцать лет для рождественского школьного праздника? Сказать по правде, мало что помню из нее. Там фигурировали смешные фашисты... Может, это была ранняя версия сценария «Продюсеры»?¹ В 1937-м нацисты еще служили мишенями для юмора. Также в памяти сохранилась песня на мотив «Путь далекий до Типперэри», которую мы сочинили с Хьюбертом и Генри:

Прощай, Унтер-ден-Линден,
Прощайте, Бранденбургские ворота,
Долог, долог путь до Берхтесгадена —
Но наш фюрер там!

В общем, пьеска вышла не ахти, и данное обстоятельство повлияло на мой отказ от карьеры драматурга.

Примерно в то же время я написал стихотворение, столь же невысокого качества. Оно было напечатано в школьной газете и, как ни странно, сплагичено через несколько лет

---

¹ «Продюсеры» (другое название «Весна для Гитлера») — кинокомедия, дебютный фильм режиссера Мела Брукса (1968).

другим учеником. Под собственным именем Джеймс Муди издал мой опус в газете джамейкской средней школы. Помню первые строки — и этого больше чем достаточно:

Я вижу в сполохах костра
Картины дивных дальних стран.
В мерцании его огней
Я вижу гномов, эльфов, фей...

Моя поэтическая карьера тоже пресеклась на первом шаге.

Школа закончилась, а депрессия — нет, и невозможно было увернуться от ее цепких лап. О карманных деньгах упоминать не стоит, такого понятия для меня попросту не существовало. Бывали лишь деньги, заработанные своим горбом. Учась в старших классах, я выходные проводил в газетном ларьке. Он принадлежал вдове, с которой моя мать познакомилась в Лиге женщин-избирательниц. Доставшийся от покойного мужа деревянный киоск приткнулся на Джамейка-авеню, под стальной лестницей надземной части Нью-Йоркского метрополитена; он кормил не только хозяйку и меня, но и двух продавцов, работавших полную неделю.

Мне была доверена субботняя пресса: газеты, журналы, скаковые бюллетени. Когда привозили воскресную печатную продукцию, без листов с новостями, я ее распаковывал. Главный товар прибывал к десяти вечера, и тогда моя деятельность принимала бурный характер: надо было резать стягивающую пачки проволоку и вкладывать в уже имеющиеся газеты новостные листы, а потом продавать воскресным гулякам, идущим в рестораны или кинотеатры. Но сначала, конечно, необходимо было тщательно проверить содержимое пачек, а то водители грузовиков любили стянуть лист другой. Проработав почти до полуночи и вымотавшись до крайности, я садился на автобус маршрута Куинс-44 и ехал домой.

Воскресные дни не бывали хлопотными. С четырнадцати лет я отвечал за сбыт и выручку, и ассортимент был очень широк. Мы продавали «Таймс», «Геральд трибьюн», «Амстердам ньюз». Последняя газета предназначалась для чернокожих и в этом районе расово сегрегированного Нью-Йорка раскупалась крайне плохо. Кроме этих англоязычных

печатных изданий, были две газеты на идише — «Форвертс» и «Морген фрайхайт», а также итальянская «Джиорнале», немецкая «Дойче беобахтер геральд» и испанская «Ла пренса».

Если сравнивать с нынешними ценами, газеты были крайне дешевы. Таблоид стоил два цента в будни и пять — в выходные, а за «Санди таймс» мы брали десять центов. Правда, скаковые бюллетени шли аж по доллару за штуку, поэтому игроки на скачках мне казались богачами, крутейшими баловнями судьбы.

По каким-то давно забытым причинам я сменил газетный киоск на гольф-клуб, который находился все в том же Куинсе, только восточнее. Добираться до муниципального поля для гольфа приходилось на перекладных — я ехал до Флашинга, а там пересаживался на другой автобус. Работа кедди в ту пору была не сахар: гольф-картов не существовало, надо было таскать тяжелую сумку с клюшками. Доллар за восемнадцать лунок — считай, один паршивый бакс за целый день каторжного труда. И не припомню, чтобы мне хоть раз дали чаевые. Автобусный билет обходился в пять центов, как и соблазн подкрепиться яблочным пирогом в «Кедди-шеке», закуской при клубе; итого чистый заработок составлял восемьдесят пять центов в день.

Деньги во время Великой депрессии добывались нелегко, но, как говорит пословица, малого хватает надолго. В субботу у меня был выходной, и я вместе с Хьюбертом и Генри направлялся в Манхэттен — само собой, на метро. Заплатил пятак на входе, и тебе доступны сотни миль рельсовых путей. Но мы двигали прямо на Сорок вторую улицу, в городской центр развлечений. Даже ухитрились прокатиться зайцем, проникая в подземку с западного конца Сто шестьдесят восьмой улицы. Там не было билетной кассы, только турникет-трипод, пропускавший пассажиров по одному. Не препятствие для двух худеньких мальчишек, если один садился на плечи другому. Однажды мы ухитрились протиснуться втроем, но это был настоящий подвиг, и он не повторился.

Некогда район Сорок второй улицы между Бродвеем и Восьмой авеню был сердцем театрального района и вмещал минимум восемь интересных мест. Но с началом де-

прессии актеры куда-то подевались, а театры превратились в киношки. Двойной сеанс, вместе с рекламными роликами, стоил десять центов; отсидев три с половиной часа, а то и больше, мы вываливались из зала на ватных ногах и хлопали глазами, как совы.

Особенно нам полюбился кинотеатр «Аполло» — там показывали только иностранные фильмы, недублированные, с субтитрами. Чудесная возможность заглянуть в иноземные умы — как раз то, что нужно подрастающим интеллектуалам. Мы смотрели ленты Жана Кокто и Эйзенштейна, самую лучшую классику. А за углом Седьмой авеню стоял кинотеатр, где демонстрировалось только русское кино, и за этим зданием, как мы узнали позже, велось пристальное наблюдение. Только после войны выяснилось, что рядом, в здании «Таймс», пряталась контора ФБР. Из нее агенты присматривали за кинотеатром и фотографировали всех посетителей-комму. Выходит, я под колпаком у ФБР еще с нежного возраста!

Целый день гуляний обходился на диво недорого — десять центов за метро и столько же за кино. Оставался пятак на обед. За эту цену можно было купить неплохой хот-дог с лотка или рядом, в дешевой бургерной, хот-дог куда менее аппетитный, к которому зато полагался бесплатно стакан рутбира. Обычно побеждала жажда.

Конечно, хватало на Сорок второй и приличной снэди — только плати. Лучшее капиталовложение — в «Уолдорф», где чашка кофе стоила пять центов. Кафетерий давал возможность причаститься кипучей общественной жизни. За любимыми столиками там кучковались единомышленники. Помню, коммунисты собирались на балконе слева, как им и полагается, а поодаль, через несколько столиков, сидели троцкисты. На правой стороне балкона тусовались глухонемые, мы их, по детской глупости, называли промеж собой бревнами. Аккурат посерединке между коммунистами слышащими и беспартийными глухонемыми садились глухонемые коммунисты. Нью-Йорк преогромен, в его доме обителей много¹.

---

¹ Измененный библеизм «в доме Отца Моего обителей много». *Иоанн 14: 2.*

В те же дни, когда у нас оставалась мелочь после «основной программы», мы шли на угол Восьмой авеню, там было несколько магазинов старой книги. Пульпа, что в киоске стоила четвертак за номер, здесь шла по пятачку. «Astounding», «Amazing», «Thrilling Wonder Stories» — все научно-фантастические журналы. А еще «Doc Savage», «The Shadow», «G-8 and His Battle Aces» — не счесть сокровищ. Однако считать приходилось, поскольку один из магазинов предлагал нечто обалденное. Сдаешь три пульп-журнальчика — и получаешь взамен один нечитаный!

Вот так и случилось, что через мои руки прошли все американские фантастические журналы. Я их читал от корки до корки и перечитывал. А потом с великим сожалением нес в книжную лавку, чтобы обменять на «свеженький» номер.

Кроме коммерческих развлечений манхэттенского Мидтауна, для нас ближе к Аптауну были доступны, причем бесплатно, Музей естествознания, который включал в себя Планетарий Хейдена, суший рай для астрономов-любителей. Чего стоила хотя бы мастерская, где учили изготовлению линз для телескопов-рефлекторов! На подложке закрепляется заготовка, и вы ее шлифуете, вращая насадку с алмазной кромкой. Если хватает терпения, времени и абразива, выходит хорошая сферическая линза. Потом медленная тщательная шлифовка для получения параболической формы поверхности, полировка и серебрение.

При должном усердии вы разживаетесь параболическим зеркалом, а если позволяют средства, то и трубой, и окуляром.

Фантастикой я увлекся благодаря отцу, который однажды принес домой экземпляр «Amazing» — большого формата, выпущенный в тридцатые годы. Мне тогда было пять лет. В сером, мутном царстве депрессии научно-фантастические журналы гремели, что твой пожарный колокол в ночи. Тут и краски, и фантазия, и азарт, и вдохновение — вся та романтика, которой был лишен реальный мир.

Но уже тогда жанр перемещался в новое измерение. Благодаря читательским колонкам в журналах увлеченные фантастикой люди находили друг друга. Они встречались, с жаром обсуждали произведения, создавали клубы, вначале по

территориальному принципу. Так родился НФ-фэндом. Мы, несколько местных обожателей фантастики, собрались однажды во Флашинге, в подвале у Джимми Тораси, и написали устав объемом в одну страницу, и так появилась на свет Научно-фантастическая лига Куинса. Одновременно с нею в Манхэттене образовался клуб «Футурианцы».

О научно-фантастическом фэндоме написано чрезвычайно много, и эта литература легкодоступна. Добавлю от себя только одно: общение с парнями-единомышленниками было в высшей степени приятным. (Никаких девчонок! Запрещено самим Гху!) Распри между фэнами, конвенты, фэнская политика, фэнзины и прочая атрибутика истинного фэнства — это все дело будущего.

Раз уж я коснулся фэнского языка... «Фен» — это множественная форма слова «фэн». «Фемфэн» — фэн-женщина. Но фемфэны появятся позже, гораздо позже! Гху — бог фэндома. «Гэфит» — прекращай все это, оставь фэндом. Такого много. Это замкнутое общество со своей уникальной субкультурой.

Я обожаю и фантастику, и фэндом. Мне случилось присутствовать на самом первом «Ворлдконе», который проходил в Манхэттене в 1939-м. Не смог заплатить пяти центов за вход, пришлось искать лазейку. Я читал все журналы, причем особенно любил «Astounding Science Fiction». И всегда ощущал себя частичкой великого целого по имени НФ.

2

Но вдали уже грохотал гром; тихий мой мирок ожидала чудовищная встряска. Считаю своим долгом описать события, к которым я тогда оказался причастен. И боюсь, краткие эти воспоминания подведут итог моему детству, отделив жирной чертой шестнадцать прожитых мною лет и роковой день Пёрл-Харбора, 7 декабря 1941 года.

Японцы разбомбили базу нашего флота, Америка вступила в войну.

Кажется, я тогда даже не знал, где он, этот Пёрл-Харбор, находится. Не был и полон патриотического энтузиазма,

в отличие от моего двоюродного брата Кеннета, который на следующий день пошел добровольцем в армию. Для большинства из нас, юнцов, ничего принципиально не изменилось. И хотя было и нормирование продовольствия, и острый дефицит бензина, наш тощий паек остался прежним, да и автомобиля моя семья не имела. Как и сверстники, я просто отсиживал часы за школьной партой и тупо считал дни, оставшиеся до восемнадцатилетия, — когда призывная комиссия протянет ко мне цепкие когтистые лапы.

Единственной альтернативой было добровольное вступление в ряды вооруженных сил. Но как-то уж слишком скоро мы сообразили, каким окажется будущее страны, вовлеченной в глобальный конфликт. Чтобы выдержать расходы на мировую войну, Америка стремительно наращивала промышленный потенциал, и депрессия закончилась как будто сама собой. Совершенно исчезла безработица — для тех, кто не угодил под мобилизационную гребенку. Печатников не хватало, и отец теперь трудился полную неделю, так что у нашей семьи ощутимо повысился достаток. Военная машина росла и крепла, и ей требовалось все больше живых винтиков.

Когда началась война, мне было почти шестнадцать. Уходили месяцы, и я, подобно остальным старшеклассникам мужского пола, обостренно ощущал стремительный бег времени и все чаще задумывался о своем дальнейшем существовании. Война захватывала новые территории, и наши дела определенно складывались не лучшим образом. Союзники проигрывали на всех фронтах. Бушевали сражения, одно кровопролитнее другого, множились потери, и никто не гарантировал, что в конце концов победит антигитлеровская коалиция. Для меня и моих ровесников приближался срок призыва. Если война к тому времени не завершится — а она явно угрожает затянуться на годы, — то и мы попадем в ее жернова. В армию брали с восемнадцати лет, и мобилизация была беспощадной. Розовощеких юнцов принудительно зачисляли не только в сухопутные войска и на флот, но и в якобы добровольческий корпус морской пехоты. Есть ли у меня, как у индивидуума, шансы дожить до конца войны? Могу ли я как-то повлиять на свою судьбу?

Хочу внести ясность: речь не идет о патриотизме или верности по отношению к стране. Я разделял с моими молодыми ровесниками ощущение неизбежного. Что бы ни происходило и как бы ты к этому ни относился, когда тебе стукнет восемнадцать, твоя судьба окажется связана с военной машиной.

Перед войной дети американского среднего класса или прослойки синих воротничков, родившиеся в тридцатых, выросли в среде, оставлявшей личности крайне мизерный выбор. Детский сад, потом начальная школа, с четырнадцати лет — средняя, в восемнадцать — выпуск. Закон требовал, чтобы индивидуум тратил на образование довольно большой срок. Роуз Кирьясофф, моя незамужняя тетька, даже накопила денег для моего обучения в колледже. Жизнь была предсказуемой и казалась упорядоченной, насколько это вообще возможно. Нельзя было спорить с нею; ее можно было только терпеть.

И тут грянула война. Среднюю школу я окончил в январе 1943-го. Еще два месяца, и мне исполнится восемнадцать, и тогда призывная комиссия распахнет пасть, чтобы сожрать меня с потрохами. Как же быть? Помнится, я тогда пребывал в мрачно-фаталистическом настроении. Я попаду в сухопутные войска и буду застрелен. Или попаду на флот и утону. Если же окажусь в морской пехоте, то и пулю поймаю, и на дно отправлюсь. Ни одна перспектива не радовала. Что же предпринять, чтобы не стать в восемнадцать лет пушечным мясом? У меня не было желания уклоняться от призыва — чему быть, тому не миновать, к тому же я и на самом деле верил, что моя страна сражается за правое дело. Но нет ли способа для угодившего в мясорубку выбраться из нее не в виде фарша? Пожалуй, необходимо найти решение, которое спасет мне жизнь.

Уверен, именно тогда я и начал осознавать себя как разумную, индивидуальную сущность. Нынче, через шестьдесят восемь лет, трудно вато восстановить пошаговые действия моей логики, но результат я помню со всей ясностью. Вот он, спасительный выход: я пойду служить в Военно-воздушные силы, там шансы на выживание куда выше, чем в других родах войск. В детстве так хотелось стать летчи-

ком — увы, мечта была недостижимой, поскольку я носил очки. Я даже не попал в планеристы, среди которых очкариков хватало. Может, оно и к лучшему, судя по изученной гораздо позднее статистике потерь.

В общем, я увидел неплохие шансы дожить до конца войны при условии, что попаду в авиацию. На одного летчика в ту пору приходилось порядка тридцати восьми солдат наземного обеспечения. Да сослужит мне добрую службу закон больших чисел.

Только не подумайте, что я пытался пренебречь воинским долгом. Я вовсе не принадлежал к числу тех ловчил, кого тогда снисходительно называли уклонистами. Нужно выдержать эту войну и победить — такого я придерживался мнения. Моя мать, принадлежавшая к русско-еврейской половине семейства, помогала европейским родственникам избежать надвигающегося холокоста. В числе спасенных — Филипп Халсман. Сохранился мой портрет, сделанный этим знаменитым фотографом, — скорее дань родственным узам, нежели тогдашним достоинствам моей внешности.

Я очень хорошо понимал, что собой представляет война, поскольку любил историю и не жалел времени на внеклассное чтение. До того увлекся, что кто-то даже оставил в моем выпускном альбоме запись: «Мальчику, который оживлял уроки истории». Дескать, нашелся паршивец, посмевавший в язвительной манере поправлять молодую учительницу.

История Американской революции преподавалась крайне тенденциозно, а я читал книги Роберта Грейвса о сержанте Лэме, то есть был посвящен в табуированную тему американских лоялистов. Вот я и «оживлял уроки», доказывая, что революция, вопреки нашим учебникам, — не такое уж восхитительное во всех отношениях событие.

В современной истории я тоже разбирался неплохо и знал, что именно происходит в Европе. Мне хотелось победы над немцами, вот только не было желания, внося свою лепту, проститься с жизнью.

Оставалось три месяца до «Дня Д» — «Дня Долга» в моем случае. Что же делать? Хоть и завершилась депрессия, отец так и не выкарабкался из нужды — у него были проблемы личного характера. Меня самого безденежье загнало

в универмаг «Мейсис» — за восемнадцать долларов в неделю я подвизался там упаковщиком. Эта временная низкооплачиваемая работа подпадала под категорию 1As, что подразумевало моментальный призыв по достижении восемнадцатилетнего возраста. Днем я возился с коробками, а вечером ехал в Ньюарк, штат Нью-Джерси, в Восточное авиаприборное училище. Преподаватели были осведомлены о моей трудовой деятельности и давали поблажки. Хорошее было училище. Мне нравилась техника, и работать руками я любил. До призыва я успел получить от Управления гражданской авиации лицензию техника по ремонту авиаприборов.

В тот самый день, когда мне стукнуло восемнадцать, я получил официальный конверт.

Наступил конец детства.

Еще шаг, и начнется взрослая жизнь.

«Поздравляем!» — так начинался текст, уведомлявший о том, что призывная комиссия, набранная из жителей окрестных домов, решила мою судьбу.

Я должен прибыть на Манхэттен, в Гранд-Сентрал-Палас, для медицинского освидетельствования, в ходе которого будет решено, достаточно ли я здоров, чтобы отправиться на войну. Медицинское освидетельствование? До чего же мы были наивны. Насколько помню, воображение рисовало дружелюбного семейного доктора с улыбкой и стетоскопом. Насколько же иной оказалась действительность!

Надо отдать медкомиссии должное, она достаточно приподняла покров, чтобы я мог заглянуть в мир истинный, мир суровый и грубый, мир совершенно незнакомый, лежащий за пределами семьи, школы, детства.

Сегодня, через шестьдесят с лишним лет, я с неослабевшим отвращением вспоминаю тот день — мрачный, жуткий, абсурдный.

Приехав на метро на Манхэттен, я очутился в толпе юнцов. Началась процедура. Первым делом нас заставили раздеться догола. Сотни мальчишек самого разного веса и телосложения моментально утратили индивидуальность, каждый превратился в дрожащий, покрытый мурашками комок розовой плоти. Да, все мы были розовые — не забывайте,

что Америка вступила в ту войну, имея расовую сегрегацию в вооруженных силах. Мол, этим ненадежным неграм нельзя доверить оружие. Чернокожие парни проходили через расово сегрегированные призывные комиссии и попадали в нестроевые части — тыловые и транспортные. Оружия эти люди не получали.

Единственное, что нам позволили оставить на себе — это обувь. Слабое утешение. Каждому сунули в руки папку с чистыми бланками, и нас гуртом погнали в неведомое. Можно ли объяснить это унижение расчетливым садизмом? Едва ли. Просто военщина абсолютно равнодушна к индивидууму, не желает видеть в нем уникальное мыслящее человеческое существо.

Мы набивались — аж по тридцать душ! — в громадную кабину лифта и ехали через этажи на первый осмотр.

Впрочем, было не совсем так. Кто-то нажал не ту кнопку. Двери медленно раздвинулись, и нашим потрясенным взорам открылся целый машинописный цех, в нем множество женщин деловито стучали по клавишам. Помню робкий шорох — остолбеневшие парни прикрывали папками сморщенные гениталии. Двери так же неторопливо затворились, и мы поехали дальше, в первый круг ада.

О Данте! Интересно, как бы ты оценил Гранд-Сентрал-Палас в ту холодную зиму 1943-го? Небось, оторвался бы от сочинения стихов, чтобы подивиться минуту-другую на это кривое зазеркалье. Даже в самом диком бреде тебе бы не привиделись круги нашего инферно, где простейшая медицинская процедура раздувалась и уродовалась настолько, что превращалась в сюрреалистический кошмар.

Взять хотя бы геморрой. Даже младенцу понятно, что нельзя ставить в строй человека, у которого обнаружено это заболевание. И что, вам представляется любезный, улыбочивый, сочувствующий проктолог? «Не волнуйтесь, молодой человек, это не больно и займет всего секундочку...» Хе-хе, как бы не так! Звучит громогласный приказ: первые двадцать — шаг вперед. Согнуться, папки на пол. А ну, взялись руками за задницу! Отлично, молодцы. А теперь раздвинули булки...

Вспоминается врач в белом, с резиновыми перчатками на руках и маской на лице — наш дружелюбный семейный

проктолог. С азартом и целеустремленностью Граучо Маркса¹ он несется вдоль шеренги и светит фонариком. Надо иметь острейшее зрение, чтобы за полсекунды обнаружить геморроидальную шишку.

Далее — по другим этажам здания, через новые круги ада. Тест на диабет. Человеку, изнуренному этой хворью, не место в воинских шеренгах. Писаем в пронумерованную склянку, плетемся вместе с дрожащей от холода очередью — в одной руке пробирка, в другой папка. Все ближе и ближе чудовище в белом халате и громадных красных резиновых перчатках. А без них никак, ведь мы оказались... как бы мягче выразиться... в уриновом царстве. Моча тут повсюду. Халат у врача на самом деле желтый, а стоять приходится на дощатом настиле посреди лужи. Эскулап трудится, как скоростной автомат: выхватывает баночку, капает в пробирку с реактивом. Пробирку выдергивает из подставки другой медик, для молниеносного осмотра. Он что-то черкает в твоей папке, и ты отправляешься на следующий уровень преисподней.

Какое облегчение — можно чуток посидеть и подготовиться к кропотливому психоанализу. Армия сплошь мужская, поэтому сексуальная ориентация имеет важнейшее значение. Нас приглашает для беседы седоволосый психиатр.

— Тебе мальчики нравятся или девочки? Девочки? Отлично. Следующий!

Что дальше? Проверка на туберкулез? На триппер? На микоз стоп? Сплошная неизвестность. Знай терпи и шагком за шагком продвигайся навстречу своей судьбе, как скотина на бойне.

Очередной шаг, и тебя хватают с двух сторон, и одновременно в каждый бицепс впивается игла шприца. Некоторые уколы очень болезненны. Толчок в спину, и жертва на нетвердых ногах пробегает несколько футов, чтобы получить еще два укола. Снова толчок, и ты выскакиваешь из зоны игольного поражения, чтобы устало опереться о поджидающий стол. И, едва расслабившись, получить новую инъекцию!

---

¹ Американский комик, снявшийся в сериале о докторе Хакенбуше — ветеринаре, который стал «человеческим» врачом.

Но тут в работе медицинского конвейера происходит сбой, наше поступательное движение прекращается — кто-то из бедняг не выносит вида шприца. Он тяжелоатлет, развил мощные мускулы, вот только смелости не накачал. Когда понял, что будет укол, закатил глаза и без чувств брякнулся на пол.

Впрочем, конвейер остановился ненадолго. Жертву подхватили и потащили вперед, на вакцинацию. А после сгрузили в сторонке, положив папку на грудь, — авось очухается. Как сложилась потом судьба парня, мы не узнали, поскольку ушли дальше.

Анализ крови, анализ мокроты, проверка зрения — такую с легкостью прошел бы слепой. Были, я уверен, и другие испытания, не столь травматичные. Милосердная память покрыла их туманом, но осталось общее впечатление, что процедура продолжалась целую вечность. Наконец, спустя бесчисленные минуты — а может, дни? — нам позволили одеться. Мы сдали свои папочки и получили приказ расходиться по домам. О результатах нам сообщат.

И мы побрели наружу, в холодный день. Мы были слишком молоды, да и бедны, чтобы утопить в вине свои печали. Все, что мне оставалось, — это ехать в одиночестве на метро в Куинс и плестись от станции до дому.

А через несколько дней пришла повестка. Наверное, она была отпечатана и выслана еще до того, как я покинул стены Гранд-Сентрал-Паласа. Итак, я признан физически годным для воинской службы, а посему должен прибыть в лагерь «Аптон» на Лонг-Айленде и там влиться в ряды армии Соединенных Штатов. Буду ли я служить в ВВС или попаду в обреченную пехоту? Об этом в повестке ни слова. Мне не полагается думать и гадать, мне полагается тупо выполнять приказы. Что ж, не впервой.

К бумажке с мутным мимеографическим оттиском была пришпилена скрепкой другая — железнодорожный билет до Лонг-Айленда.

В назначенный день, после слезных прощаний с родителями, я в последний раз вышел из родного дома ребенком — и на этом детство закончилось.

Лагерь «Аптон» представлял собой монумент упорядоченного беспорядка. Под отрывистые вопли сержантов мы

в полном отупении пережили суматошный день — первый день воинской службы. Получили белье, обувь, брюки, куртки, полотенца и прочее солдатское имущество. Тяжело нагруженные, рысцой пробежали в казарму, и там нас распределили по койкам. Мы свалили на них кладь и охотно позволили загнать себя в столовую. Надо же, хот-доги, моя любимая еда! Может, на самом деле армия не так страшна, как ее малюют?

Но вот и долгожданный отбой, конец длинному и утомительному дню. В девять вечера погасли лампы, но большинство из нас к тому моменту уже дрыхло мертвым сном.

А в пять утра медный горн сыграл побудку, — вернее, ее сыграла обшарпанная грампластинка. Одеваемся, едим, возвращаемся в казарму, но уже через миг: «Выходи строиться!» Я двинулся было к дверям...

Но тут вмешалась судьба. Казалось бы, сущий пустяк — а какое громадное влияние на всю мою армейскую карьеру! С соседней койки меня окликнул парень возрастом постарше, лет двадцати пяти.

— Эй, малыш, ты куда собрался? — спросил он, блаженствуя в горизонтальной позе.

— Наружу. Приказано выходить...

— А ты, чем бежать вприпрыжку, подожди чуток и пораскинь мозгами. Где мы находимся, по-твоему? Подскажу: на призывном пункте. Ни одному клоуну из постоянного состава нет до тебя никакого дела. И все, что нужно, — это раз в день, в одиннадцать утра, подходить к доске объявлений и проверять, не зачислен ли ты в команду для отправки. Если не зачислен, можешь двадцать четыре часа сачковать — главное, не мозоль глаза начальству. Как видишь, все просто.

И я не вышел, как другие призывники, на плац. Новый знакомый отвел меня на задний двор, и через неприметную дверку мы попали в бойлерную.

— Без особой надобности военная полиция сюда не суется. Меня зовут Блэки.

Этот Блэки оказался настоящим сокровищем. В армии мирного времени он служил кавалеристом, а едва демобилизовался, снова получил повестку. И как же здорово этот парень понял службу! Он был светилой мирового уровня

в деле, для которого в эпоху парусного флота придумали термин «давить сачка», а позднее — «косить», «шланговать» и «линять». То есть уклоняться от выполнения служебных обязанностей, и чтобы это сходило с рук. Когда мы отдыхали в прохладном сумраке, Блэки объяснил, что наших товарищей-призывников как раз в эти минуты распределяют по работам. Надо только подождать, пока все разойдется, а затем мы покинем укрытие и спокойно проведем денек на солнышке.

И ведь получилось! За завтраком я узнал, что новоиспеченные солдатики из нашей казармы угодили в тяжелый наряд на кухню. В одиннадцать мы с Блэки проверили списки отправляемых — все в порядке, нас там нет. Можно еще сутки балдеть, филонить и бить баклуши, и все, что для этого нужно, — не попасться патрулю.

Несколько недель я провел на призывном пункте, целенаправленно уклоняясь от работы и от военных полицейских, которым поручалось выявлять ловчил вроде меня. В лагере «Аптон» со времен Первой мировой осталось немало подземных помещений — раньше там хранились боеприпасы. Эти бункеры служили нам отличным укрытием, пока военная полиция не додумалась их проверить. При внезапном рейде Блэки был схвачен. Моего дружка сразу куда-то спровадили, и с тех пор я его не видел, но я всей душой благодарен ему за начальный курс военного образования.

Я к тому времени получил местечко в библиотеке, и оно оказалось не в пример надежнее подземелий — невежды из военной полиции так и не додумались туда заглянуть. Наслаждаясь романами Уэллса и Жюль Верна, я ждал нового поворота своей судьбы. Через месяц случилось отрадное событие: училище по ремонту авиаприборов и впрямь спасло мне жизнь. По утрам я отсиживался в бойлерной, а в одиннадцать ходил к доске объявлений, и вот наконец прочел свою фамилию. Я теперь солдат Военно-воздушных сил, направляюсь для прохождения курса молодого бойца на аэродром Кислер-Филд, штат Миссисипи, город Билокси.

Но на этом хорошие новости кончались. Ехать в Миссисипи мне предстояло в июле. Напоминаю, в то время еще не существовало кондиционеров. От летней жары и сырости даже офицеры страдали наравне с нами, рядовыми.

Спустя два дня я затащил баул со своими вещами в вагон воинского эшелона, и началось путешествие к югу — скучное, медленное, казавшееся бесконечным. Но вот однажды далеко за полночь мы достигли места назначения и высадились среди скопища грузовиков. И едва я очутился в Билокси, армия дала понять, кто я такой и чего стою. В два часа ночи, при температуре за девяносто¹ и такой же влажности, от сержантского пинка баул со всеми моими пожитками улетел с трехосного грузовика в грязную лужу.

Намек ясен.

А в пять утра разразился ад. Как и в лагере «Аптон», старенькая граммофонная пластинка сыграла зорю. Шур-шур-шур — и тоскливый вой горна. Вспыхивают лампы, между рядами коек шагает сержант, пиная каждую и хрипло выкрикивая: «Прекратили гладить шишки и напялили штанишки! Это армия, детишки!» Неужели у кого-то были сомнения? Страхиваешь остатки сна, торопливо одеваешься, справляешь нужду, ополаскиваешь физиономию. Марш-бросок в столовку, а потом целый день черной пахоты на девяностоградусной жаре. А нередко и вечером вкальываешь. Стройные там становились тощими, теряя с потом фунт за фунтом, а толстяки, по идее, вообще должны были благодарить судьбу за непредвиденный курс похудения. Но нам просто некогда было думать о таких вещах, мы успевали лишь выполнять распоряжения орущих чертей, которые явно вознамерились сжить нас со свету.

Глядя в телескоп времени, я четко вижу, чего хотело тогда наше начальство: определить, способны ли мы выдерживать сверхнагрузки. Большинство рядовых были здоровыми восемнадцатилетними парнями. Муштровали нас сержанты, люди зрелые и очень крепкие, но подверженные тем же стрессам, что и мы. По логике, нам не на что было жаловаться, однако это не отменяет жестокой и горькой правды: армия делала все возможное, чтобы согнуть нас до точки перелома, а то и круче. Того, кто не выдерживал, благодарили за службу и комиссовали. Если ты слаб, лучше сломайся пораньше, в первые же недели, чтобы военное ведомство не тратилось на твою дорогостоящую подготовку.

---

¹ По Фаренгейту. Или выше тридцати градусов по Цельсию.

Да, с логикой тут все прекрасно, но вот цену индивидуум платил страшную. Я видел, как симпатичные, счастливые ребята помаленьку слабели, а потом ломались — либо душевно, либо физически. Для армии без разницы. Что не убивает нас, то делает сильнее. Позвольте уверить, линия между победой и поражением очень тонка.

Я помню, как сам приблизился вплотную к этой черте.

В моем случае потеря веса не компенсировалась наращиванием мышечной массы. Возвращаясь вечером в казарму, мы падали на койки и засыпали мертвым сном, а в полночь вспыхивал свет и нас будили истошные вопли. Ночной марш-бросок на двадцать миль, с ранцами и оружием, выходи строиться! Шатаясь от изнеможения, мы плелись наружу, в потемки.

Пережитое с трудом поддается описанию. Бежать нас заставляли по песочной колее между деревьями. Температура далеко за восемьдесят, убийственная влажность — и тишина, если не считать шарканья ботинок по грунту. Армия ждала, когда мы сломаемся. Колонну сопровождала машина медицинской службы, по-нашему — мясной фургон, — с постоянно включенными фарами, чтобы никого не задавить. Согласно приказу, если кто-то падал, двое ближайших солдатиков должны были его подобрать и засунуть в автомобиль. Там беднягу постараются привести в чувство, чтобы тут же и выпихнуть: изволь бежать дальше.

Все мы находились на пределе истощения, не бежали и не шли, а еле плелись. И от того, что ночь шла на убыль, нам не становилось легче. Какая же это пытка, когда под рубашкой песок трет большую потницей кожу! Настал миг, когда у меня закончились силы и я был готов рухнуть в обморок. И тут я совершил открытие: а ведь мне не хочется падать. Не желаю, чтобы мерзавцы одержали надо мной верх. Жалкая эта искорка гнева помогла удержаться на ногах до ближайшего пятиминутного привала. А затем и до конца марш-броска, до возвращения в казарму, где я сбросил с себя ранец и винтовку и рухнул на койку. Никогда еще забвение не доставляло столько блаженства.

Будучи описаны сейчас, через десятилетия, эти трудности, возможно, не покажутся чем-то из ряда вон выходящим. Но для тогдашнего восемнадцатилетнего паренька было ис-

Содержание

ГАРРИСОН! ГАРРИСОН! Роман

Перевод Г. Корчагина

Благодарности. Слово Мойре Гаррисон	7
Хронология жизни Гарри	8
Часть первая	19
Часть вторая	246
Джон В. Кэмпбелл	246
«Подвиньтесь! Подвиньтесь!»	259
Эсперанто	270
Россия	284
Крыса из Нержавеющей Стали	296
К западу от Эдема	304
Альтернативная история	313

ФОКУСНИК МЕРЛО. Повесть

Перевод Д. Могилевцева .....

329

СЕТЬ МИРОВ. (В соавторстве с К. Маклин). Повесть

Перевод Н. Абдуллина .....

373

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН
ГАРРИСОН! ГАРРИСОН!

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.04.2016. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 24,36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HAFA1867401R